

УДК 001.9

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-57-66

О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ НАУКИ: НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Шибаршина Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: svet.shib@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6741-8909

Данная статья является ответом на комментарии к моей статье «Когда наука берётся в “сообщники”»: к проблеме символической власти научного знания», а также к одноимённому докладу, сделанному мною ранее в ходе научного семинара кафедры философии ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Я дополняю сказанное дальнейшими рассуждениями по поводу символической власти науки и постправды. Мною предлагается расширенное понимание проблемы символической власти науки как охватывающей не только не-учёных, но и само научное сообщество. Для лучшего понимания этого даётся описание таких понятий, используемых самим П. Бурдьё, как «габитус» и «докса». Символическая власть трактуется как непрямая форма воздействия, более мягкая, менее заметная и менее узнаваемая по сравнению с прямым, открытым принуждением; как принуждение через доверие согласиться с некой картиной мира, некой повесткой как самоочевидной истиной. Указывается, что подпадание под символическую власть науки происходит, по всей видимости, в процессе формирования образованного мышления и приобщения к научному габитусу. В своей статье я акцентирую внимание на том, что под постправдой понимаю не только случаи намеренного обмана, но и другие, более сложные, ситуации. Относительно метафоры общности я поясняю, что она была выбрана для привлечения внимания к проблеме и для передачи разных контекстов использования эпистемического статуса науки. В заключение отмечается, что борьба с постправдой, в том числе в научной коммуникации, не должна создавать новых идолов и требует от каждого ответственности за собственный выбор лидера мнений.

Ключевые слова: наука и общество, публичная научная коммуникация, символическая власть науки, габитус, докса, постправда, сообщник

Цитирование: Шибаршина С.В. О символической власти науки: некоторые уточнения и дополнения // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 2. С. 57-66. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-57-66

Рукопись получена: 15 мая 2024

Пересмотрена: 7 июня 2024

Принята: 8 июня 2024

ON THE SYMBOLIC POWER OF SCIENCE: SOME REMARKS AND EXPLANATIONS

Svetlana V. Shibarshina – PhD in Philosophy, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation; e-mail: svet.shib@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6741-8909

This article considers the comments received as responses to my article *When science is made an 'accomplice': The symbolic power of scientific knowledge*, as well as a report of the same name made earlier during an academic seminar of the Department of Philosophy at Lobachevsky State University. I complement my study with further reflections on the symbolic power of science and post-truth. I propose an expanded understanding of the problem of the symbolic power of science as encompassing both lay people and the scientific community. For a better understanding of this, a description is given of such concepts used by P. Bourdieu himself as "habitus" and "doxa". Symbolic power is interpreted as an indirect form of influence, softer, less noticeable and less recognizable compared to direct, open coercion; as coercion through trust to agree with a certain picture of the world, a certain agenda as a self-evident truth. I assume that falling under the symbolic power of science occurs, apparently, in the process of forming educated thinking and becoming familiar with the scientific habitus. In my article, I focus on the fact that by post-truth I mean not only cases of intentional deception, but also other, more complex situations. Regarding the metaphor of accomplice, I explain that it has been chosen to accentuate my research focus and convey different contexts in which various agents use the epistemic status of science. In conclusion, I note that the fight against post-truth, in science communication also, should not create new idols and requires everyone to take responsibility for their own choice of opinion leaders.

Keywords: science and society, public science communication, symbolic power of science, habitus, doxa, post-truth, accomplice

How to cite: Shibarshina, S.V. (2024). On the symbolic power of science: some remarks and explanations. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (2): 57-66. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-57-66 (In Russian).

Received: 15 May 2024

Revised: 7 June 2024

Accepted: 8 June 2024

Прежде чем продолжить обсуждение проблематики, которой была посвящена моя изначальная статья о символической власти научного знания, хотелось бы поблагодарить всех авторов реплик, а также участников научно-теоретического семинара кафедры фи-

лософии ННГУ в январе 2024 г., на котором я выступила с одним именованным докладом. С учётом реплик, а также вопросов и комментариев, прозвучавших в ходе семинара, хотелось бы отметить следующее. Дискуссия позволила обратить внимание на неясности, недоговорённости моего доклада и одноимённой статьи; на то, что некоторые аспекты, казавшиеся мне очевидными, на самом деле нуждаются в дальнейшем объяснении и обосновании. Также дискуссия выявила новые перспективы обсуждаемой проблематики.

А.Н. Ткачев в рамках семинара и своей статьи-реплики предложил замечательный пример апелляции к определённым научным исследованиям в духе «учёные доказали...», что является по сути «символом, которому можно приписывать любое значение» (Ткачев, 2024, с. 52). Причём верно замечено то, что «в обыденном сознании эта фраза означает совсем иное, нежели в науке» (Там же), о чём я также буду говорить в контексте образов науки, но несколько позже. В данный момент считаю важным указать на то, что, говоря об использовании символической власти научного знания в своей реплике, Андрей Николаевич, на мой взгляд, несколько сужает проблему, отмечая, что «символическая власть направлена преимущественно на некомпетентную в вопросе аудиторию, которая не склонна утруждать себя стремлением разобраться в проблеме» (Там же, с. 52). Полагаю, это сужение произошло из-за того, что я сама в докладе и статье сосредоточилась именно на этом фрагменте проблемы. Сейчас же я хотела бы расширить перспективу обзора и показать больший масштаб.

Как мне представляется, на самом деле символическая власть науки гораздо более обширна, глубока и охватывает также и само научное сообщество. Однако для того, чтобы попытаться объяснить это, я считаю нужным добавить несколько слов к уже сказанному ранее о том, что такое символическая власть науки.

Концепция символической власти Бурдье тесно связана с такими используемыми им понятиями, как «габитус» и «докса». Габитус, по Бурдье, – это системы устойчивых предрасположенностей, «принципы, порождающие и организующие практики и представления»; системы «когнитивных и мотивирующих структур», возникшие в ходе социально-исторической практики тех или иных сообществ; «нужда, ставшая добродетелью» (Бурдье, 1998, с. 45-46). Габитус может быть как индивидуальным, так и групповым, коллективным. Порождённый определёнными закономерностями габитус нацелен на «разумные» способы поведения и стремится исключить несовместимое с этой «разумностью» поведение. Формирование смысла в определённой степени связано с габитусом как способом осмысления социальной реальности. Живущие в одной культуре люди обладают схожими габитусами, сближающими их в плане формирования картин мира и в области образов действия (Шибаршина, 2020, с. 52-53). Отталкиваясь от концепции габитуса, Е.В. Масланов показывает, что, к примеру, научный га-

битус осваивается в рамках системы образования (Maslanov, 2019, p. 505).

Подход Бурдьё, помимо прочего, связывает габитус с понятием доксы. Для нас это важно прежде всего потому, что влияние символической власти в значительной степени опосредовано через доксу, сферу самоочевидности, практической основы символической власти (Siisiäinen, 2008, pp. 5, 8). Бурдьё трактует доксу как «отношение основополагающего согласия с социальным миром», как нечто, считающееся нами само собой разумеющимся (Бурдьё, 1996, web). Символическая власть, в свою очередь, является не прямой формой воздействия, более мягкой, менее заметной и менее узнаваемой по сравнению с прямым, открытым принуждением; своего рода принуждением через доверие согласиться с некой картиной мира, некой повесткой как самоочевидной истиной.

Подпадание под символическую власть науки происходит, по всей видимости, в процессе формирования образованного мышления и приобщения к научному габитусу. В современности наука превратилась в важную базисную часть структуры общества. Доверие к ней «вызвано определённым символическим капиталом, накопленным ею в процессе своего существования» (Масланов, 2023, с. 72). Если принять во внимание радикальное воззрение П. Фейерабенда, система образования, грубо говоря, фактически навязывает научное мировоззрение (а поскольку для данного философа наука – одна из идеологий, то можно сказать, навязывает науку как идеологию). П. Фейерабэнд, конечно, говорил о западном образовании своего времени, но и сейчас ситуация не существенно отличается, в том числе в России. Бурдьё, в свою очередь, рассматривал систему образования как гаранта социального порядка (Bourdieu, Wacquant, 1992, p. 127), передающего господствующий культурный капитал (Bourdieu, Passeron, 1998). В обществе, имеющем систему образования, в соответствующих институциях формируется образованное мышление, организованное вокруг основных классифицирующих схем, категорий восприятия и оценивания (Бурдьё, 1996, web). Подчеркну, что в данном случае мы говорим прежде всего о светском образовании, оставляя за скобками все остальные образовательные ситуации.

При этом следует иметь в виду следующее. Изучая в процессе обучения так называемую научную картину мира, учащиеся часто усваивают «определённый набор не критически воспринимаемого существующего знания», без сомнений и полемики, что противоречит самому духу научного познания (Масланов, 2022, с. 39). Получается, что система образования – «это не место для дискуссий, а пространство освоения “правильного” знания», которое может стать доксой.

Я хотела бы обратить внимание на то, что в своём ответе я выбрала вариант «символическая власть науки», а не научного знания и сделала так для того, чтобы подчеркнуть комплексный характер этого феномена: как известно, наука – это не только знание и дея-

тельность, но и социальный институт.

Символическая власть науки может иметь разные формы проявления. В терминах Фейерабенда, наука как традиция и как идеология может доминировать через рационализм/сциентизм, приверженцы которых могут принимать эту власть как данное, самоочевидное, не требующее обоснования. В самом научном сообществе она также может проявляться через парадигму (по Т. Куну) как власть той или иной научной традиции. Можно сказать, что парадигма представляет собой «некоторую традицию, содержащую наряду с легко устанавливаемыми особенностями тенденции и процедуры, которые неизвестны, однако неявно направляют исследование и обнаруживаются только при сопоставлении с другими традициями» (Фейерабэнд, 2010, с. 45). Кстати, символическая власть науки в целом будет особенно заметна при сравнении науки с другими традициями.

То же, о чём говорит А.Н. Ткачев, является одним из случаев проявления символической власти науки в рамках связки «наука – общество». В современном обществе символический капитал учёного, «связанный с обладанием знанием, начинает размываться: теперь и не-учёные начинают претендовать на символический капитал учёных» (Масланов, 2023, с. 80), пытаются легитимизировать собственные повестки, используя эпистемический авторитет науки.

В данном контексте интересно также будет поразмышлять над замечанием А.М. Дорожкина об эрзаце и о сравнении полуправды с тем, что «говорим же мы детям, “ничтоже сумняшеся”, о том, что в семью их принёс аист» (Дорожкин, 2024, с. 35). В своё время я исследовала проблему этики внешней научной коммуникации, включая вопрос о допустимости манипуляции. В целом представители данной области исследований считают, что коммуникационные стратегии и процедуры уместны только для призыва к взаимодействию с информацией, а не для того, чтобы побуждать делать те или иные выводы. Однако существует также подход, согласно которому вполне допустимой является манипуляция в благих целях без сознательного введения людей в заблуждение, препятствования ясному пониманию проблемы и т. п. (Atchison, 2013, web). На мой взгляд, поскольку публичная научная коммуникация нацелена на приобщение и порой даже вовлечение не-учёных в мир науки, становится неизбежным использование различных коммуникационных стратегий. Сами научные коммуникаторы далеко не всегда используют манипулятивные приёмы сознательно, поскольку определённые форматы коммуникации (например, разновидности научно-популярной лекции, участие в дискуссиях) существенно задействуют личностное начало, и сохранять эмоциональную нейтральность становится непросто.

Вообще говоря, современные тенденции в данной области способствуют различным эмоционально заражённым формам публичной коммуникации. Один из таких примеров приводится О.И. Со-

коловой (Соколова, 2024, с. 48). Как отметил А. Ваганов, в настоящее время происходит «нарастание интереса к научпопу... как таковому, но не к науке» – вплоть до создания «симулякра “научного” знания» (Ваганов, 2016, с. 72). Процессы медиатизации и коммерциализации не могут не сказаться на популяризации науки, о чём свидетельствует также пример С. Хокинга, приводимый Е.А. Жарковым (Жарков, 2024, с. 40). Плохо это или хорошо? Сложно дать однозначный ответ. Если мы желаем привить современной публике интерес к науке, волей-неволей приходится обращаться к современным формам коммуникации, и здесь, безусловно, возможны перегибы.

В своей ответной статье считаю важным также прокомментировать замечания О.И. Соколовой относительно моего представления проблемы постправды, которое было прочитано прежде всего как намеренное скрытие истины, совершаемое со злым умыслом и т. п. Напомню: в основной статье я говорила о том, что опираюсь на фуллеровское понимание данного феномена, основанное на идее многообразия «режимов истинности» (Шибаршина, 2024, с. 22). Как справедливо замечает О.И. Соколова, «постправда – это не синонимом лжи в полной мере» (Соколова, 2024, с. 48), и с этим утверждением следует согласиться. Другими словами, данный феномен включает как случаи намеренного обмана, так и другие, более сложные, ситуации, когда, по сути, мы имеем дело с растворением истины в частичных истинах, с навязыванием собственных интерпретаций, в которых убеждены сами их авторы⁷. В данном контексте уместно будет упомянуть и о так называемых эпистемических «эхо-пузырях» и «эхо-камерах» как особых коммуникативных пространствах, замыкающих субъектов со сходными взглядами и эмоциями в добровольном познавательном вакууме (Бажанов, 2022). В этом смысле примечателен пример, который приводит сам С. Фуллер для характеристики своего понимания постправды (постистины): он сравнивает раннего Витгенштейна (мыслителя истины, по Фуллеру) и позднего Витгенштейна (мыслителя постистины как ситуации множества языковых игр со своими правилами) (Фуллер, 2021, с. 83-84).

При этом я не могу согласиться с тем, что в рамках моего исследования постправда представлена исключительно негативно. Почему же моя статья вызвала столь одностороннее понимание? Подозреваю, что во многом это связано с метафорой сообщничества, которую я использовала. Она была интерпретирована следующим образом: «То, что автор акцентирует внимание на отрицательной коннотации термина “сообщник” применительно к науке в условиях постправды, не представляется обоснованным» (Соколова, 2024, с. 45). Олеся Игоревна пишет, что «в русском языке сообщник – это не просто соучастник, а соучастник преступного деяния» (Со-

⁷ См., напр., типологию основных использований понятия *post-truth* в работе: (Хмелевская, Яблокова, 2023).

колова, 2024, с. 45). Вообще говоря, это не совсем так. Исключительно негативная коннотация данного понятия, безусловно, существует, но прежде всего в области права. Что же касается, к примеру, литературного русского языка, то здесь не всё так однозначно. В нём даже имеются примеры положительного истолкования понятия «сообщник» как сопричастного чему-либо, без негативной оценки⁸.

Почему же я предпочла перевести англ. *accomplice* именно как «сообщник», а не «единомышленник»? На первый взгляд, это действительно сужает смысловое поле понятия постправды. И тем не менее метафора сообщничества привлекает внимание и позволяет передать разные контексты использования эпистемического статуса науки. Например, можно задуматься о том, что использование символической власти науки делает её невольно сопричастной какой-то деятельности. И, собственно, мой акцент-то как раз состоял в том, что науку и научное знание, помимо воли учёных, могут делать сообщниками. В правовом поле тоже часто возникают ситуации, когда кто-либо становится невольным соучастником в финансовом преступлении из-за ловких действий других лиц. Для того чтобы обозначить рассматриваемую проблему более ёмко, заострить её, я не просто обратилась к метафоре Фейнриха, но для акцентации её неоднозначности выбрала перевод англ. *accomplice* как «сообщник». Это не означает, что я обвиняю науку в целом и учёных в том, что они специально искажают информацию со злым умыслом. Я ни в коем случае так не думаю (хотя в отдельных случаях, как известно, имеют место фальсификации).

В заключение хочу отметить следующее. Исследуемая мною тема затрагивает проблему образов науки. Понятие (или в данном контексте лучше сказать «концепт») «наука» для разных людей может означать разные вещи. Со школьной скамьи через габитус мы можем усвоить то, что наука – это очень важно. Дальше же наука облекается разными людьми в разные покровы, которые могут существенно отличаться. К примеру, те, кто разделяет идею «заговора учёных», могут разграничивать науку как институт и науку как знание и деятельность, указывая, что есть ангажированные, а есть независимые исследователи. С другой стороны, существуют приверженцы доказательной науки, которые, к примеру, в области медицины будут опираться на пирамиду доказательности в своей оценке того или иного препарата, и для них критерии нормальности в науке будут иными. Сторонники того или иного лидера мнений, будь то социальный активист, научный эксперт, политик, блогер и т. д., вслед за ним или ней будут считать научными то, что рекомендует он или она. И всё это будет продвигаться и защищаться под знаменем науки.

⁸ См., напр., строки из стихотворения «Кто ты, он или она...» Дмитрия Мережковского: «Кто ты, он или она, Мой сообщник ли таинственный, Мне сестра, или жена, Враг ли мой, иль друг единственный».

Как к этому относиться и можно ли, следует ли с этим что-то делать? В своей работе я стремилась прежде всего описать положение дел. В идеале каждый сам несёт ответственность за то, кому и во что он верит. В данном контексте исследователи говорят о важности «эпистемической зоркости» (Тухватулина, 2021), развитии критического мышления и т. п. Однако, как замечает сам С. Фуллер, в обществе знания борьба с постправдой может привести к утверждению новых идиологов (Фуллер, 2021). Приведу свой пример. Заявления о том, что исследование научной проблемы следует производить исключительно по таким международным базам данных, как *WoS*, *Scopus*, *PubMed* и т. п., чревато пропуском потенциально важных и полезных публикаций и шире – созданием идола. В данной ситуации полезными могут оказаться эпистемическая зоркость, позволяющая «субъекту сохранять критическую дистанцию по отношению к языковым играм» (Тухватулина, 2021, с. 443), а также другие подходы и инструменты.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бажанов, 2022 – *Бажанов В.А.* Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. С. 152-164.

Бурдьё, 1998 – *Бурдьё П.* Структура, габитус, практика / Пер. с фр. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44-59.

Бурдьё, 1996, web – *Бурдьё П.* Университетская докса и творчество: против схоластических делений / Пер. с фр. // *Socio-Logos*'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-31. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorcestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (дата обращения: 20.05.2024)

Ваганов, 2016 – *Ваганов А.Г.* Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв. // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 3. С. 64-77.

Дорожкин, 2024 – *Дорожкин А.М.* Постправда в отношениях между наукой и религией // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. 30-36.

Жарков, 2024 – *Жарков Е.А.* Символическая власть науки: пути идентификации // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. 37-43.

Масланов, 2022 – *Масланов Е.В.* Институт науки и популяризация научного знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 33-51.

Масланов, 2023 – *Масланов Е.В.* Техногенная цивилизация и символический капитал науки // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 3. С. 70-82.

Соколова, 2024 – *Соколова О.И.* Наука в эпоху постправды: сообщник или соучастник? // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. 44-50.

Ткачев, 2024 – *Ткачев А.Н.* О символической власти фразы «наука доказала...» // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. 51-56.

Тухватулина, 2021 – *Тухватулина Л.А.* Эпистемическая зоркость в условиях постправды // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. Труды III Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 441-443.

Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 378 с.

Фуллер, 2021 – *Фуллер С.В.* Постправда: Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Хмелевская, Яблокова, 2023 – *Хмелевская С.А., Яблокова Н.И.* Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 2-1. С. 11-27.

Шибаршина, 2020 – *Шибаршина С.В.* Визуальные образы учёных и апгрейд социальных ценностей // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 50-64.

Шибаршина, 2024 – *Шибаршина С.В.* Когда наука берётся в «сообщники»: к проблеме символической власти научного знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. ??-??.

Atchinson, 2013, web – *Atchison T.* Autonomy, manipulation, and respect (for mortals) // Ethical Issues in Science Communication: a Theory-Based Approach: 3rd Iowa State Summer Symposium on Science Communication. Iowa, 2013. URL: <https://dr.lib.iastate.edu/entities/publication/fcb901b7-b0b7-4b6b-81ba-b8c0a38b0b25> (дата обращения: 23.05.2024)

Bourdieu, Passeron, 1998 – *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Academic order and social order. Preface to the 1990 Edition // Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in Education, Society and Culture. L.: SAGE, 1998. Pp. vii-xi.

Bourdieu, Wacquant, 1992 – *Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 332 p.

Maslanov, 2019 – *Maslanov E.* Universities as social background in “trading zone” creation // Philosophy of the Social Sciences. 2019. Vol. 49. No. 6. Pp. 493-509.

Siisiäinen, 2008 – *Siisiäinen M.* Symbolic power as a critical concept // Symbolic Power in Cultural Contexts / Ed. by J. Houtsonen, A. Antikainen. Uncovering Social Reality. Rotterdam: Sense Publishers, 2008. Pp. 21-30.

References

Atchinson, T. (2013). Autonomy, manipulation, and respect (for mortals). *Ethical Issues in Science Communication: a Theory-Based Approach: 3rd Iowa State Summer Symposium on Science Communication*. Retrieved May 23, 2024, from <https://dr.lib.iastate.edu/entities/publication/fcb901b7-b0b7-4b6b-81ba-b8c0a38b0b25>

Bazhanov, V.A. (2022). Cognitive mechanisms in the era of information: “echo-bubbles” and “echo-chambers”. *The Philosophy Journal*, 15 (4), 152-164. (In Russian)

Bourdieu, P. (1998). Structures, habitus, and practices (transl. from French). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1 (2), 44-59. (In Russian)

Bourdieu, P. (1996). University doxa and creativity: against scholastic divisions (transl. from French). In *Socio-Logos '96. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences* (pp. 8-31). Socio-Logos. (In Russian)

Bourdieu, P., Passeron, J.-C. (1998). Academic order and social order. Preface to the 1990 Edition. In P. Bourdieu, J.-C. Passeron. *Reproduction in Education, Society and Culture* (pp. vii-xi). SAGE.

Bourdieu, P., Wacquant, L. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. The University of Chicago Press.

Dorozhkin, A.M. (2024). Post-truth in relations between science and religion. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (2), 30-36 (In Russian)

Feyerabend, P. (2010). *Science in a Free Society* (transl. from Engl.). AST Publ. (In Russian)

Fuller, S. (2021). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game* (transl. from Engl. by D. Kralechkin). The Higher School of Economics Publ. (In Russian)

Khmelevskaya, S., Yablokova, N. (2023). Returning to the philosophical comprehension of the phenomenon of post-truth. *Ideas and Ideals*, 15 (2), 11-27. (In Russian)

Maslanov, E. (2022). Science as an institution and popularization of scientific knowledge. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4), 33-51. (In Russian)

Maslanov, E.V. (2023). Technogenic civilization and symbolic capital of science. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (3), 70-82. (In Russian)

Maslanov, E. (2019). Universities as social background in „trading zone“ creation. *Philosophy of the Social Sciences*, 49 (6), 493-509.

Shibarshina, S.V. (2020). Visual images of scientists and the upgrade of social values. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 3 (4), 50-64. (In Russian).

Shibarshina, S.V. (2021). When science is made an “accomplice”. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 5 (4), 34-43.

Sokolova, O.I. (2024). Science in the age of post-truth: accomplice or accomplice? *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 1 (2), 44-50 (In Russian)

Tkachev, A.N. (2024). On the symbolic power of the phrase “science has proven...”. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 1 (2), 51-56 (In Russian)

Tukhvatulina, L.A. (2021). Epistemic vigilance under the post-truth conditions. In *Revolution and Evolution: Models of Change in Science, Culture, and Society: Proceedings of the 3rd Academic Conference* (pp. 441-443). Russian Society of History and Philosophy of Science.

Vaganov, A.G. (2016). Evolution of forms of popularization of science in Russia: 18th – 19th centuries. *Science Management and Scientometrics*, 3, 64–77. (In Russian)

Zharkov, E.A. (2024). The symbolic power of science: ways of identification. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (2), 37-41 (In Russian)